

ТЕХНОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УСПЕХА, или Давайте говорить...

Александр Мурашов, доктор педагогических наук

Педагогический успех, высочайший «градус» отношений учителя и класса — категория, скорее относящаяся к индивидуальному мастерству, нежели к некоей всеобщности, предполагаемой словом «технология». Кажется, нет и не может быть здесь ничего просчитанного, выверенного, градуированного...

Доносящийся сквозь века диалог Моцарта и Сальери — или попытка свести симфонию к нелепым крючкам нотных знаков, которые укрываются за витиеватым замком, открываемым при помощи скрипичного ключа?

— Дети, мы будем говорить о половом воспитании.

— А что вам рассказать, Марь-Иванна?

Тут бы и увидеть оторопелые глаза классной дамы, а затем, насладившись этим зрелищем, ринуться в атаку со всей бескомпромиссностью учёного дилетантизма! «Учитель должен...» «Выполняя возложенную на него миссию...» «В контексте концепции...» И со всех кафедр, как виртуальных, так и реальных, — указующие персты, умные слова, гениальное поблёскивание очков. А помните лицо Ивана Грозного на картине, который только что проткнул посохом своего чересчур самостоятельного ребёнка? — Придите в школу, расскажите директору, как надо учить школьников «в контексте концепции», — эффект будет тот же.

Всем давно известно, что Волга впадает в Каспийское море, слоны не рычат, а в милицию чаще всего попадают милиционеры. Что-то до боли знакомое звучит в торжественной речи, которой директор открывает общешкольное родительское собрание:

— Люди добрые! Извините, что я к вам обращаюсь!..

**«Человек умелый»? «Разумный».
«Говорящий»!**

Пока учителю не обеспечат достойной жизни, — он никому ничего не должен, и ни о какой миссии говорить нельзя. Но это не решается статьёй, даже монографией, тем более — «в контексте концепции», которая всякий раз новая — в зависимости от направления ветра. И чем больше указующих, обучающих, направляющих тянется сегодня к учителю, — тем более одиноким он оказывается. Не удивительно: ему вести урок, и нет времени ни на выковыри-

вание дефисов из «лично-ориентированного», ни на попытку, обложившись словарями, ответить, чем же различаются «зона ближайшего» и «зона актуального развития», без чего не обходится ни одна страница «руководств», «концепций» и «методичек». Нет времени у учителя, чтобы преодолевать дремучую безграмотность учёной педагогики, бросающей его, чуть что, один на один с классом. Он и изобретает разного рода подпорки, контрфорсы и костыли, чтобы опереться, если будет надо. Но важно, чтобы такие

«контрфорсы» вовремя оказались у другого учителя, чтобы он был в состоянии передать их третьему... А там — и до технологии недалеко: личный опыт, озаривший кого-то догадкой, но выверенный и обоснованный, подтверждённый и проверенный, способный оказаться достоянием многих, — это уже технология, каркас, изобретение которого в своё время взметнуло строительные краны: «на месте флигельков восстали небоскрёбы», осталось только заполнить расстояние между столбами — но тут открылся простор для индивидуальной фантазии...

Учитель — профессия речевая, и нелепо твердить о «концепциях», пока педагог не умеет говорить. Дело в том, что, выходя к классу, он, совсем молодой или опытный профессионал, непременно ощутит некоторую оторопь. Поймут ли? Примут ли? Донесёт ли? Воспитает ли?

Учителя спрашивают обычно: как преодолеть смятение первых минут общения с ребятами, известное как «аудиторный шок»? Прежде всего, знанием первых слов, которые не только эмоциональны, но и раскрывают облик широко образованного человека, уверенного в себе эрудита. Во-вторых, знанием приоритетов аудитории и готовностью ответить на вопрос: «А зачем нам это?» — вопрос, который готов задать любой, и, не встретив ответа, теряет интерес или не хочет воспитываться. В-третьих, спокойной властью: взятая ручка извещает от необходимости «искать место» рукам, а приветливое, но не растерянное лицо говорит едва ли не больше первых слов. И — не начинать говорить в шуме: иначе он не кончится. Важно выдержать начальную паузу, во время которой ребята «сканируют» учителя взглядами, и начинать — спокойно, обращаясь к классу и не пряча взгляда. Так с самого начала занятия класс составит те характеристики, что впредь будут ассоциативно вызывать этого педагога в памяти — либо с почтительным замиранием, либо с усмешкой.

— Опять не выучил? И как ты можешь смотреть на меня после этого?

— Ничего, не пугайтесь, и не такое видел...

Что тут ответишь? А отвечать нужно скорее себе: не научились мы говорить, вот и в анекдотах, причём не только ребячьих, училка, злобная и тормознутая, непременно получает по носу от остроумного двоечника и находчивого второгодника.

Обратимся к истокам: как входим в класс, с какими словами обращаемся к нему. Ведь, находясь на глазах аудитории, человек выходит за рамки традиционного личного «Я», нередко открывая ранее неизвестные потенциалы, а то и наоборот, не имея сил произнести хоть слово.

Аналитически нацеленные вопросы и задания предполагают учёт риторической аксиоматики. Рассмотрим её основные положения, рождённые и в академических трудах, и в педагогическом опыте. Этот опыт складывался тысячелетиями; след на его скрижалях оставили выдающиеся ораторы, философы, писатели. В их среде родились суждения, иллюстрирующие аксиоматические положения, которые и сегодня для педагога — практические рекомендации по овладению различными ситуациями успешного речевого поведения в школьном классе. Это технологии успеха, определяющие, во-первых, общее представление об успешном учителе; во-вторых, этапы взаимодействия с классом (аудиторией), каждый из которых рождает свою аксиоматику, технологически выверенную долгими веками.

Психология воздействия и взаимодействия

Положения, в педагогической риторике называемые доводами, а в нейролингвистическом программировании — якорями, объединяются в технологические схемы. Придерживаясь этих схем, мы просто исключаем возможность сорвать урок или не услышать того, о чём говорим ученикам на уроке или классном часе. Такие схемы каждый составит сам, а исходные положения помогут спокойно и уверенно говорить с классом, составлять собственный «рече-

вой облик», конструировать сообразно ему «речевую личность», то есть свой имидж «человека говорящего».

- Знать авторитеты и стремления аудитории, обращаться к ним. «Не следует прибегать к суду того, что само подлежит суду» (Ф. Бэкон).
- Подлинное мастерство слова — умение найти суждение и поставить вопрос, близкий *слушателю*. «Человек не высказывает суждения, а отвечает на вопросы» (Г.Г. Гадамер).
- Обращаться к личному опыту слушателей — значит заинтересовать их и утвердить в звании интересных людей. «Люди судят о чужих мнениях лишь по соответствию их с собственными» (К.А. Гельвеций).
- Чётко сообщить слушателю, как ему достичь поставленной цели. «Ковыляющий по прямой дороге опередит бегущего, который сбился с пути» (Ф. Бэкон).
- Воздерживаться от оценок, но сказать достаточно, чтобы слушатель мог сам их сделать: «Истолкование экзистенциально основывается на понимании» (М. Хайдеггер).
- Интересоваться собеседником, а не пытаться заинтересовать его собой: «Не ученика вызываю к доске, а себя — к ученику» (Е.Н. Ильин).
- Умение говорить начинается с умения слушать. «Если беседовать с самим собой — безумие, то слушать только себя, говоря с другими, — двойное» (Б. Грасиан).
- Самое неудачное выступление — спор с аудиторией или с самим собой на её глазах. «Заранее извиняться — обвинить себя» (Б. Грасиан).
- Плохо — говорить о том, что плохо; нельзя — говорить о том, чего нельзя; все ориентиры и цели — только положительные: «Промыслить боится слабым лишь тот, кто слаб» (А.К. Толстой).
- Ставить проблемы, которые слушатель мог бы решить, не морщась от скуки, а радуясь собственным успехам: «Плохой учитель преподаёт истину, хороший — учит её находить» (Дистервег).

Мастер-КЛАСС

- Говорить о том, что близко слушателю, чтобы ему стало близко всё, о чём мы говорим: «Иногда сильнейшим ораторским приёмом является умение предоставить слушателям самим разобраться и самим прийти к намеченному вами выводу» (А. Миртов).
- Обращаться к людям — значит обращаться к их чувствам, а не только мыслям. «Крупница острого придаёт вкус» (Б. Грасиан).
- Помнить, что неожиданный ход — самый сильный; застигнутый врасплох, человек открыт для любого воздействия. «Всякое познание начинается с удивления» (Аристотель).
- Не говорить слишком много слов: «Человеку, имеющему в кармане мускус, не следует говорить об этом: запах мускуса скажет об этом за него» (Саади).
- Чтобы понять собеседника, надо научиться «считывать информацию» не только со слов: «Лицо говорит вместе с языком» (А. Кони).
- Импровизируя, оставаться естественным и органичным самому себе: «Главное в ораторе искусство состоит в том, чтобы не дать приметить искусства» (Квинтилиан).
- Соблюдать ролевую позицию: начинающий с анекдота набивается в приятели, а готовый поучать — в экзаменаторы. «Чтобы быть естественным, необходимо уметь притворяться» (О. Уайльд).
- Не действовать наобум: всё должно вести к цели. «Когда слишком торопишься починить в часах какое-нибудь колёсико, то обычно портишь весь механизм» (Ст. Цвейг).
- Добиваться понимания сказанного не объяснениями, а обращением к конкретному человеку: «Думать при слове

именно то, что другой, значило бы перестать быть собою и быть этим другим» (А.А. Потебня).

- Иметь резервные знания — значит ни разу не сбиться: «Говорит хорошо тот, кто расточает размышления целого дня, недели, месяца, а иногда и целой своей жизни в речи, которая длится час» (В. Гюго).
- Уважать себя — условие уважения и со стороны слушателей. Не надо всякий раз доказывать своё право быть выслушанным, а «усомниться — значит утратить силу» (О. Бальзак).
- Основательно знать — значит не скакать по предметам, исследовать не много, но глубоко: «Знать хорошо важнее, чем знать многое» (Ж.-Ж. Руссо).

Подготовка к диалогу

Составляя план предстоящей беседы, мы далеки от мысли утяжелять его примечаниями, что каким голосом скажем, где перейдём на таинственный шёпот, что выделим чеканной интонацией (такие планы зачастую обобщаются истерическими воплями, словно надо «откосить» от армии по психстатбе). Но важно знать те основные «узелки на память», которые позволяют представить себе предстоящий урок, увидеть каждый его фрагмент, применить элементы речевой «отделки», чтобы не оказаться застигнутым врасплох.

- Нельзя ярко говорить о безразличном, захватывающе — о том, что не волнует самого. Чтобы заинтересовать предметом, надо самому отыскать в нём интересное и неповторимое: «Слова приходят, если предмет наполняет душу» (Сенека).
- Говорить хорошо — значит говорить убеждённо. Не давать разным «барьерам» и «негативным сценариям» увести от темы, в необходимости которой сам убеждён: «Сначала

убедись, а потом уж убеждай» (К. Станиславский).

- Выделить несколько ключевых проблем, оставив частности для индивидуальных разговоров или «занимательных» пятиминуток: «Не стремись знать всё, чтобы не стать во всём невеждой» (Демокрит).
- Сначала обратиться к своим знаниям, затем искать информацию в книгах; не строить речь без обращения к источникам: «Даже величайший гений не далеко бы ушёл, вздумай он быть обязанным всем только самому себе» (Гёте).
- Урок — это произведение искусства, учитель — творец. Речь неудачна, если нет собственных мыслей, своих открытий, по-настоящему взволновавших проблем: «Кому нечего сказать своего, тому лучше молчать» (В. Белинский).
- Взять из книг не только то, с чем согласен: наиболее удачный логический ход — возможность самому найти истину в споре. «Очень полезно оттачивать и шлифовать свой ум об умы других» (М. Монтень).
- Предусмотреть, что и ученики обратятся к книгам, завершая недосказанные слова и пытаясь решить поставленные проблемы: «Люди перестают мыслить, когда перестают читать» (Д. Дидро).
- Готовиться к предстоящему выступлению, включая его фрагменты в повседневное общение. Непринуждённость достигается репетицией: «Прежде чем сказать что-либо другим, скажи это себе» (Сенека).
- Вставлять в речь то, что помогло прояснить проблему самому, что воспринимаешь как собственное озарение: «Надо писать только те книги, от отсутствия которых страдаешь» (М. Цветаева).
- Запасись достаточным количеством информации, чтобы иметь право выбирать и от подобострастной наукообразности пе-

рейти к покровительственной простоте: «Простота — это то, что даётся труднее всего на свете» (Ж. Санд).

- Заранее решить, где будут проблемные вопросы, где — оживляющие речь структуры диалогизма, фокусирующие внимание и активизирующие слушателей: «Ключом ко всякой науке является вопросительный знак» (О. Бальзак).

- Всякую теорию подтверждать практически: слово, сказанное самим, важнее длинной повести, услышанной от другого: «Вовсе не так легко отыскать книгу, которая научила нас столь же многому, как книга, написанная нами самими» (Ф. Ницше).

- Верить в себя: застенчивость — враг учителя, сомнение в себе — страшный недуг. «Как только вы вообразите, что не в состоянии выполнить определённое дело, с этого момента его осуществление становится для вас невозможным» (Б. Спиноза).

- Уважать себя — не извиняться, а изменяться, часто — переступая через себя. Награда учителю — не снисходительные улыбки жалости, а ученики, идущие за ним по жизни: «Будь жесток к себе, если не хочешь, чтобы другие были к тебе жестоки» (Л. Леонов).

- Познавать себя, оставляя лишь то, что достойно любви и уважения. «Никто не может судить о других, пока не научится судить о себе самом» (Гёте). Готовиться — обращаться к себе самому; говорить — обращаться ТОЛЬКО к слушателям, забыв про свои проблемы.

Мастер-КЛАСС

- Рассказать себя — значит убить интерес к себе: то, что рассказано, не скоро заинтересует вновь. О себе рассказывают на исповеди и в суде, но не на уроке: «Нет ничего отвратительней, чем говорить много о себе» (Дж. Леопарди).

- Всегда иметь информацию, которая способна ошеломить и заинтересовать любую аудиторию, никогда не исчерпывать себя до конца: «Не выставляй напоказ всё, что имеешь, — назавтра уже никого не удивишь» (Б. Грасиан).

- Выбрать манеру, темп, образ, которому предстоит следовать, пока они не стали частью лекторского «автопилота»: «Присвоивши себе ту или иную маску, человек со временем так привыкает к ней, что и вправду становится тем, кем сначала хотел казаться» (С. Моэм).

- Работая над текстом, сокращать постоянно, пока это не станет невозможным. Лучшая речь — та, которую больше нельзя сократить: «Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего» (А. Кони).

- Разумно дозировать информацию, не начиная кормить тех, кто не почувствовал голода, и не перекармливая голодных: «Величайшее из достоинств оратора — не только сказать всё, что нужно, но и не сказать того, что не нужно» (Цицерон).